

формировать очертания мира

завтрашнего дня

Введение

Политика сверхдержавы

С того момента, как приблизительно 500 лет назад континенты стали взаимодействовать в политическом отношении, Евразия становится центром мирового могущества. Различными путями, в разное время народы, населяющие Евразию, главным образом народы, проживающие в ее западноевропейской части, проникали в другие регионы мира и господствовали там, в то время как отдельные евразийские государства добивались особого статуса и пользовались привилегиями ведущих мировых держав.

Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах.

Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы.

Евразия, тем не менее, сохраняет свое геополитическое значение. Не только ее западная часть — Европа — по-прежнему место сосредоточения значительной части мировой политической и экономической мощи, но и ее восточная часть — Азия — в последнее время стала жизненно важным центром экономического развития и растущего политического влияния.

Соответственно вопрос о том, каким образом имеющая глобальные интересы Америка должна справляться со сложными отношениями между евразийскими державами и особенно сможет ли она предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистичной евразийской державы, остается центральным в плане способности Америки осуществлять свое мировое господство.

Отсюда следует, что в дополнение к развитию различных новейших сторон могущества (технологии, коммуникаций, систем информации, а также торговли и финансов) американская внешняя политика должна продолжать следить за геополитическим аспектом и использовать свое влияние в Евразии таким образом, чтобы создать стабильное равновесие на континенте, где Соединенные Штаты выступают в качестве политического арбитра.

Евразия, следовательно, является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами. Стоит отметить, что не далее как в 1940 году два претендента на мировое господство — Адольф Гитлер и Иосиф Сталин — заключили недвусмысленное соглашение (во время секретных переговоров в ноябре 1940 г.) о том, что Америка должна быть удалена из Евразии. Каждый из них сознавал, что инъекция американского могущества в Евразию положила бы конец их амбициям в отношении мирового господства. Каждый из них разделял точку зрения, что Евразия является центром мира и тот, кто контролирует Евразию, осуществляет контроль над всем миром. Полвека спустя вопрос был сформулирован по-другому: продлится ли американское преобладание в Евразии и в каких целях оно может быть использовано?

Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке. Поэтому целью книги является формулирование всеобъемлющей и последовательной евразийской геостратегии.

Збигнев Бжезинский

Вашингтон, округ Колумбия, апрель 1997 года

Глава 1

Гегемония нового типа

Гегемония также стара, как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществления. В течение всего лишь одного столетия Америка под влиянием внутренних изменений, а также динамичного развития международных событий из страны, относительно изолированной в Западном полушарии, трансформировалась в державу мирового масштаба по размаху интересов и влияния.

Короткий путь к мировому господству

Испано-американская война 1898 года была первой для Америки захватнической войной за пределами континента.

1

Благодаря ей власть Америки распространилась далеко в Тихоокеанский регион, далее Гавайев, до Филиппин. На пороге нового столетия американские специалисты по стратегическому планированию уже активно занимались выработкой доктрин военно-морского господства в двух океанах, а американские военно-морские силы начали оспаривать сложившееся мнение, что Британия «правит морями». Американские притязания на статус единственного хранителя безопасности Западного полушария, провозглашенные ранее в этом столетии в «доктрине Монро» и оправдываемые утверждениями о «предначертании судьбы», еще более возросли после строительства Панамского канала, облегчившего военно-морское господство как в Атлантическом, так и в Тихом океане.

Фундамент растущих геополитических амбиций Америки обеспечивался быстрой индустриализацией страны. К началу первой мировой войны экономический потенциал Америки уже составлял около 33% мирового ВВП, что лишало Великобританию роли ведущей индустриальной державы. Такой замечательной динамике экономического роста способствовала культура, поощрявшая эксперименты и новаторство. Американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для амбициозных и не имеющих предрассудков изобретателей, осуществление личных устремлений которых не сковывалось архаичными привилегиями или жесткими социальными иерархическими требованиями. Короче говоря, национальная культура уникальным образом благоприятствовала экономическому росту, привлекая и

быстро ассимилируя наиболее талантливых людей из-за рубежа, она облегчала экспансию национального могущества.

Первая мировая война явилась первой возможностью для массовой переброски американских вооруженных сил в Европу. Страна, находившаяся в относительной изоляции, быстро переправила войска численностью в несколько сотен тысяч человек через Атлантический океан: это была трансокеаническая военная экспедиция, беспрецедентная по своим размерам и масштабу, первое свидетельство появления на международной арене нового крупного действующего лица. Представляется не менее важным, что война также обусловила первые крупные дипломатические шаги, направленные на применение американских принципов в решении европейских проблем. Знаменитые «четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона представляли собой впрыскивание в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом. (За полтора десятилетия до этого Соединенные Штаты сыграли ведущую роль в урегулировании дальневосточного конфликта между Россией и Японией, тем самым также утвердив свой растущий международный статус.) Сплав американского идеализма и американской силы, таким образом, дал о себе знать на мировой сцене.

Тем не менее, строго говоря, первая мировая война была в первую очередь войной европейской, а не глобальной. Однако ее разрушительный характер озаменовал собой начало конца европейского политического, экономического и культурного превосходства над остальным миром. В ходе войны ни одна европейская держава не смогла продемонстрировать решающего превосходства, и на ее исход значительное влияние оказало вступление в конфликт приобретающей вес неевропейской державы — Америки. Впоследствии Европа будет все более становиться скорее объектом, нежели субъектом глобальной державной политики.

Тем не менее этот краткий всплеск американского мирового лидерства не привел к постоянному участию Америки в мировых делах. Наоборот, Америка быстро отступила на позиции лестной для себя комбинации изоляционизма и идеализма. Хотя к середине 20-х и в начале 30-х годов на Европейском континенте набирал силу тоталитаризм, американская держава, к тому времени имевшая мощный флот на двух океанах, явно превосходивший британские военно-морские силы, по-прежнему не принимала участия в международных делах. Американцы предпочитали оставаться в стороне от мировой политики.

С такой позицией согласовывалась американская концепция безопасности, базировавшаяся на взгляде на Америку как на континентальный остров. Американская стратегия была направлена на защиту своих берегов и, следовательно, была узко-национальной по своему характеру, причем международным или глобальным соображениям уделялось мало внимания. Основными международными игроками по-прежнему были европейские державы, и все более возрастала роль Японии.

Европейская эра в мировой политике пришла к окончательному завершению в ходе второй мировой войны, первой подлинно глобальной войны. Боевые действия велись на трех континентах одновременно, за Атлантический и Тихий океаны шла также ожесточенная борьба, и глобальный характер войны был символично продемонстрирован, когда британские и японские солдаты, бывшие представителями соответственно отдаленного западноевропейского острова и столь же отдаленного восточно-азиатского острова, сошлись в битве за тысячи миль от своих родных берегов на индийско-бирманской границе. Европа и Азия стали единым полем битвы.

Если бы война закончилась явной победой нацистской Германии, единая европейская держава могла бы стать господствующей в глобальном масштабе. (Победа Японии на Тихом океане позволила бы ей играть ведущую роль на Дальнем Востоке, однако, по всей вероятности, Япония по-прежнему оставалась бы гегемоном регионального масштаба.)

Вместо этого поражение Германии было завершено главным образом двумя внеевропейскими победителями — Соединенными Штатами и Советским Союзом, ставшими преемниками незавершенного в Европе спора за мировое господство.

Следующие 50 лет озаменовались преобладанием двухполюсной американско-советской борьбы за мировое господство. В некоторых аспектах соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом представляло собой осуществление излюбленных теорий геополитиков: оно противопоставляло ведущую в мире военно-морскую державу, имевшую

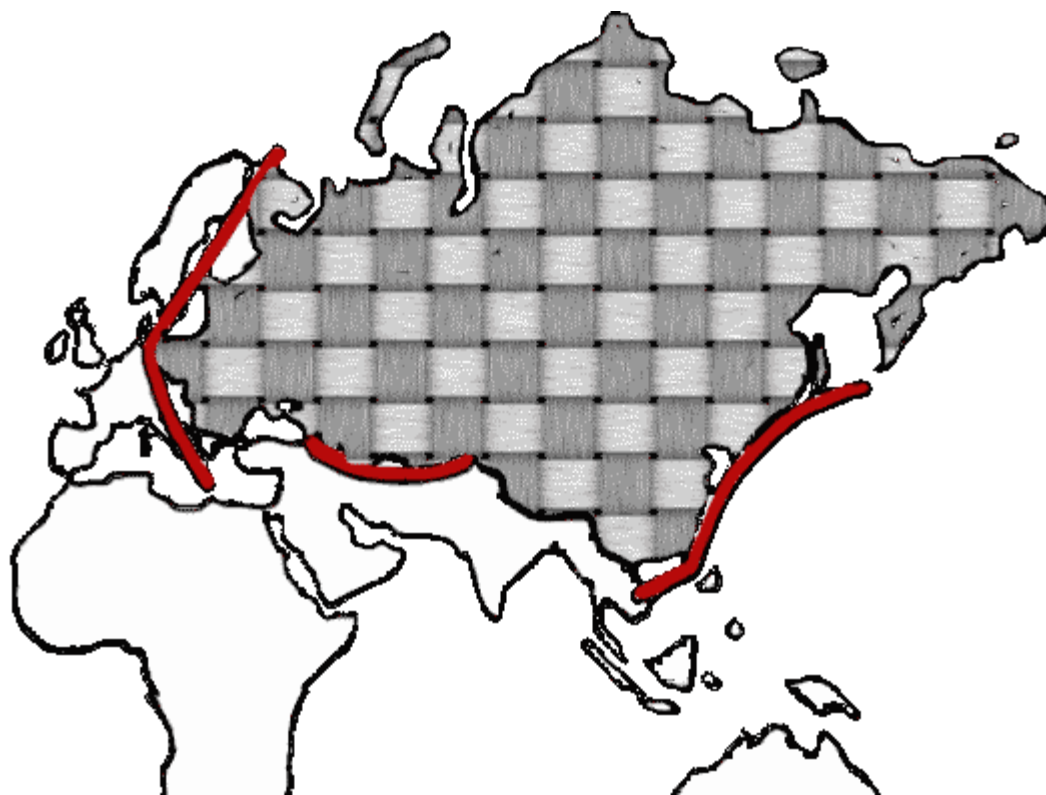
господство как над Атлантическим океаном, так и над Тихим, крупнейшей в мире сухопутной державе, занимавшей большую часть евразийских земель (причем китайско-советский блок охватывал пространство, отчетливо напоминавшее масштабы Монгольской империи). Геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре. Как только победа была бы окончательно достигнута, никто не смог бы помешать этому. Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укрепившим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства, в отличие от имперских европейских претендентов на мировую гегемонию, ни одному из которых так и не удалось когда-либо установить решающее господство на территории самой Европы. И каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над своими вассалами и зависимыми государствами, что в определенной степени напоминало времена религиозных войн.

Комбинация глобального геополитического размаха и провозглашаемая универсальность соревнующихся между собой догм придавали соперничеству беспрецедентную мощь. Однако дополнительный фактор, также наполненный глобальной подоплекой, делал соперничество действительно уникальным. Появление ядерного оружия означало, что грядущая война классического типа между двумя главными соперниками не только приведет к их взаимному уничтожению, но и может иметь губительные последствия для значительной части человечества. Интенсивность конфликта, таким образом, сдерживалась проявляемой со стороны обоих противников чрезвычайной выдержкой.

В геополитическом плане конфликт протекал главным образом на периферии самой Евразии. Китайско-советский блок господствовал в большей части Евразии, однако он не контролировал ее периферию. Северной Америке удалось закрепиться как на крайнем западном, так и на крайнем восточном побережье великого Евразийского континента. Оборона этих континентальных плацдармов (выражавшаяся на Западном «фронте» в блокаде Берлина, а на Восточном — в Корейской войне) явилась, таким образом, первым стратегическим испытанием того, что потом стало известно как холодная война.

На заключительной стадии холодной войны на карте Евразии появился третий оборонительный «фронт» — Южный (см. карту I). Советское вторжение в Афганистан ускорило обоюдоострую ответную реакцию Америки: прямую помощь со стороны США национальному движению сопротивления в Афганистане в целях срыва планов Советской Армии и широкомасштабное наращивание американского военного присутствия в районе Персидского залива в качестве сдерживающего средства, упреждающего любое дальнейшее продвижение на Юг советской политической или военной силы. Соединенные Штаты занялись обороной района Персидского залива в равной степени с обеспечением своих интересов безопасности в Западной и Восточной Евразии.

Успешное сдерживание Северной Америкой усилий евразийского блока, направленных на установление прочного господства над всей Евразией, причем обе стороны до конца воздерживались от прямого военного столкновения из-за боязни ядерной войны, привело к тому, что исход соперничества был решен невоенными средствами. Политическая жизнеспособность, идеологическая гибкость, динамичность экономики и привлекательность культурных ценностей стали решающими факторами.

Китайско-советский блок и три центральных стратегических фронта

Карта I

Ведомая Америкой коалиция сохранила свое единство, в то время как китайско-советский блок развалился в течение менее чем двух десятилетий. Отчасти такое положение дел стало возможным в силу большей гибкости демократической коалиции по сравнению с иерархическим и догматичным и в то же время хрупким характером коммунистического лагеря. Первый блок имел общие ценности, но без формальной доктрины. Второй же делал упор на догматичный ортодоксальный подход, имея только один веский центр для интерпретации своей позиции. Главные союзники Америки были значительно слабее, чем сама Америка, в то время как Советский Союз определенно не мог обращаться с Китаем как с подчиненным себе государством. Исход событий стал таковым также благодаря тому факту, что американская сторона оказалась гораздо более динамичной в экономическом и технологическом отношении, в то время как Советский Союз постепенно вступал в стадию стагнации и не мог эффективно вести соперничество как в плане экономического роста, так и в сфере военных технологий. Экономический упадок, в свою очередь, усиливал идеологическую деморализацию.

Фактически советская военная мощь и страх, который она внушала представителям Запада, в течение длительного времени скрывали существенную асимметрию между соперниками. Америка была гораздо богаче, гораздо дальше ушла в области развития технологий, была более гибкой и передовой в военной области и более созидательной и привлекательной в социальном отношении. Ограничения идеологического характера также подрывали созидательный потенциал Советского Союза, делая его систему все более косной, а его экономику все более расточительной и менее конкурентоспособной в научно-техническом

плане. В ходе мирного соревнования чаша весов должна была склониться в пользу Америки.

На конечный результат существенное влияние оказали также явления культурного порядка. Возглавляемая Америкой коалиция в массе своей воспринимала в качестве положительных многие атрибуты американской политической и социальной культуры. Два наиболее важных союзника Америки на западной и восточной периферии Евразийского континента — Германия и Япония — восстановили свои экономики в контексте почти необузданного восхищения всем американским. Америка широко воспринималась как представитель будущего, как общество, заслуживающее восхищения и достойное подражания. И наоборот, Россия в культурном отношении вызывала презрение со стороны большинства своих вассалов в Центральной Европе и еще большее презрение со стороны своего главного и все более несговорчивого восточного союзника — Китая. Для представителей Центральной Европы российское господство означало изоляцию от того, что они считали своим домом с точки зрения философии и культуры: от Западной Европы и ее христианских религиозных традиций. Хуже того, это означало господство народа, который жители Центральной Европы, часто несправедливо, считали ниже себя в культурном развитии.

Китайцы, для которых слово «Россия» означало «голодная земля», выказывали еще более открытое презрение. Хотя первоначально китайцы лишь тихо оспаривали притязания Москвы на универсальность советской модели, в течение десятилетия, последовавшего за китайской коммунистической революцией, они поднялись на уровень настойчивого вызова идеологическому главенству Москвы и даже начали открыто демонстрировать свое традиционное презрение к северным соседям-варварам.

Наконец, внутри самого Советского Союза 50% его населения, не принадлежавшего к русской нации, также отвергало господство Москвы. Постепенное политическое пробуждение нерусского населения означало, что украинцы, грузины, армяне и азербайджанцы стали считать советскую власть формой чуждого имперского господства со стороны народа, который они не считали выше себя в культурном отношении. В Средней Азии национальные устремления, возможно, были слабее, но там настроения народов разжигались постепенно возрастающим осознанием принадлежности к исламскому миру, что подкреплялось сведениями об осуществлявшейся повсюду деколонизации.

Подобно столь многим империям, существовавшим ранее, Советский Союз в конечном счете взорвался изнутри и раскололся на части, став жертвой не столько прямого военного поражения, сколько процесса дезинтеграции, ускоренного экономическими и социальными проблемами. Его судьба стала подтверждением меткого замечания ученого о том, что «империи являются в основе своей нестабильными, потому что подчиненные элементы почти всегда предпочитают большую степень автономии, и контр-элиты в таких элементах почти всегда при возникновении возможности предпринимают шаги для достижения большей автономии. В этом смысле империи не рушатся; они скорее разрушаются на части, обычно очень медленно, хотя иногда и необыкновенно быстро».

2

Первая мировая держава

В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой. И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто

не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки. Как и в прошлом, применение Америкой «имперской» власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы в военных целях, неявной, но значительной культурной притягательности американского образа жизни, динамизма и прирожденного духа соперничества американской социальной и политической элиты.

Прежним империям также были свойственны эти качества. Первым приходит на память Рим. Римская империя была создана в течение двух с половиной столетий путем постоянной территориальной экспансии вначале в северном, а затем и в западном и юго-восточном направлениях, а также путем установления эффективного морского контроля над всей береговой линией Средиземного моря. В географическом отношении она достигла своего максимального развития приблизительно в 211 году н.э. (см. карту II). Римская империя представляла собой централизованное государство с единой самостоятельной экономикой. Ее имперская власть осуществлялась осмотрительно и целенаправленно посредством сложной политической и экономической структуры. Стратегически задуманная система дорог и морских путей, которые брали начало в столице, обеспечивала возможность быстрой перегруппировки и концентрации (в случае серьезной угрозы безопасности) римских легионов, базировавшихся в различных вассальных государствах и подчиненных провинциях.

Во времена расцвета империи римские легионы, развернутые за границей, насчитывали не менее 300 тыс. человек: это была огромная сила, становившаяся еще более смертоносной благодаря превосходству римлян в тактике и вооружениях, а также благодаря способности центра обеспечить относительно быструю перегруппировку сил. (Удивительно, что в 1996 г. гораздо более густонаселенная сверхдержава Америка защищала внешние границы своих владений, разместив за границей 296 тыс. солдат-профессионалов.)

Римская империя во времена своего расцвета

Карта II

Имперская власть Рима, однако, также опиралась на важную психологическую реальность. Слова «Civis Romanus sum» («Я есть римский гражданин») были наивысшей самооценкой, источником гордости и тем, к чему стремились многие. Высокий статус римского гражданина, в итоге предоставлявшийся и лицам неримского происхождения, был выражением культурного превосходства, которое оправдывало чувство «особой миссии» империи. Эта реальность не только узаконивала римское правление, но и склоняла тех, кто подчинялся Риму, к ассимиляции и включению в имперскую структуру. Таким образом культурное превосходство, которое воспринималось правителями как нечто само собой разумеющееся и которое признавалось поработенными, укрепляло имперскую власть. Эта высшая и в значительной степени неоспаривавшаяся имперская власть просуществовала около трех столетий. За исключением вызова, брошенного на определенном этапе соседним Карфагеном и на восточных границах Парфянской империей,

внешний мир, в основном варварский, плохо организованный и в культурном отношении явно уступающий Риму, большей частью был способен лишь к отдельным нападениям. До тех пор пока империя могла поддерживать внутреннюю жизнеспособность и единство, внешний мир не мог с ней конкурировать.

Три основные причины привели в конечном счете к краху Римской империи. Во-первых, империя стала слишком большой для управления из единого центра, однако ее раздел на Западную и Восточную автоматически уничтожил монополистический характер ее власти. Во-вторых, продолжительный период имперского высокомерия породил культурный гедонизм, который постепенно подорвал стремление политической элиты к величию. В-третьих, длительная инфляция также подорвала способность системы поддерживать себя без принесения социальных жертв, к которым граждане больше не были готовы. Культурная деградация, политический раздел и финансовая инфляция в совокупности сделали Рим уязвимым даже для варваров из прилегающих к границам империи районов. По современным стандартам Рим не был действительно мировой державой, он был державой региональной. Но учитывая существовавшую в то время изолированность континентов, при отсутствии непосредственных или хотя бы отдаленных соперников, его региональная власть была полной. Таким образом, Римская империя была сама по себе целым миром, ее превосходящая политическая организация и культура сделали ее предшественницей более поздних имперских систем, еще более грандиозных по географическим масштабам.

Однако даже с учетом вышесказанного Римская империя не была единственной. Римская и Китайская империи возникли почти одновременно, хотя и не знали друг о друге. К 221 году до н.э. (период Пунических войн между Римом и Карфагеном) объединение Цинем существовавших семи государств в первую Китайскую империю послужило толчком для строительства Великой китайской стены в Северном Китае, с тем чтобы оградить внутреннее королевство от внешнего варварского мира. Более поздняя империя Хань, которая начала формироваться примерно в 140 году до н.э., стала еще более впечатляющей как по масштабам, так и по организации. К наступлению христианской эры под ее властью находилось не менее 57 млн. человек. Это огромное число, само по себе беспрецедентное, свидетельствовало о чрезвычайно эффективном центральном управлении, которое осуществлялось через централизованный и репрессивный бюрократический аппарат. Власть империи простиралась на территорию современной Кореи, отдельные районы Монголии и большую часть нынешнего прибрежного Китая. Однако, подобно Риму, империя Хань также была подвержена внутренним болезням, и ее крах был ускорен разделом на три независимых государства в 220 году н.э.

Дальнейшая история Китая состояла из циклов воссоединения и расширения, за которыми следовали упадок и раскол. Не один раз Китаю удавалось создавать имперские системы, которые были автономными, изолированными, которым с внешней стороны не угрожали никакие организованные соперники. Разделу государства Хань на три части был положен конец в 589 году н.э., в результате чего возникло образование, схожее с имперской системой. Однако момент наиболее успешного самоутверждения Китая как империи пришелся на период правления маньчжуров, особенно в начальный период династии Цзинь. К началу XVIII века Китай вновь стал полноценной империей, в которой имперский центр был окружен вассальными и зависимыми государствами, включая сегодняшние Корею, Индокитай, Таиланд, Бирму и Непал. Таким образом, влияние Китая распространялось от территории современного российского Дальнего Востока через Южную Сибирь до озера Байкал и на территорию современного Казахстана, затем в южном направлении в сторону Индийского океана и на восток через Лаос и Северный Вьетнам (см. карту III).

Как и в случае с Римом, империя представляла собой сложную систему в области финансов, экономики, образования и безопасности. Контроль над большой территорией и более чем 300 млн. людей, проживающими на ней, осуществлялся с помощью всех этих средств при сильном упоре на централизованную политическую власть при поддержке замечательно эффективной курьерской службы. Вся империя была разделена на четыре зоны, расходящиеся лучами от Пекина и определявшие границы районов, до которых курьер мог добраться в течение одной, двух, трех или четырех недель соответственно.

Централизованный бюрократический аппарат, профессионально подготовленный и подобранный на конкурентной основе, обеспечивал опору единства.

Маньчжурская империя во времена своего расцвета

Карта III

Единство укреплялось, узаконивалось и поддерживалось — как и в случае с Римом — сильным и глубоко укоренившимся чувством культурного превосходства, которое усиливалось конфуцианством, целесообразным с точки зрения существования империи философским учением с его упором на гармонию, иерархию и дисциплину. Китай — Небесная империя — рассматривался как центр Вселенной, за пределами которого жили

только варвары. Быть китайцем означало быть культурным, и по этой причине остальной мир должен был относиться к Китаю с должным почтением. Это особое чувство превосходства пронизывало ответ китайского императора — даже в период усиливающегося упадка Китая в конце XVIII века — королю Великобритании Георгу III, посланцы которого пытались вовлечь Китай в торговые отношения, предложив кое-какие британские промышленные товары в качестве даров:

«Мы, волею небес император, предлагаем королю Англии принять во внимание наше предписание:
Небесная империя, правящая на пространстве между четырьмя морями... не ценит редкие и дорогие вещи... точно так же мы ни в малейшей степени не нуждаемся в промышленных товарах вашей страны...
Соответственно мы... приказали находящимся в вашем услужении посланникам благополучно возвращаться домой. Вы, о Король, просто должны действовать в соответствии с нашими пожеланиями, укрепляя вашу преданность и присягая в вечной покорности».

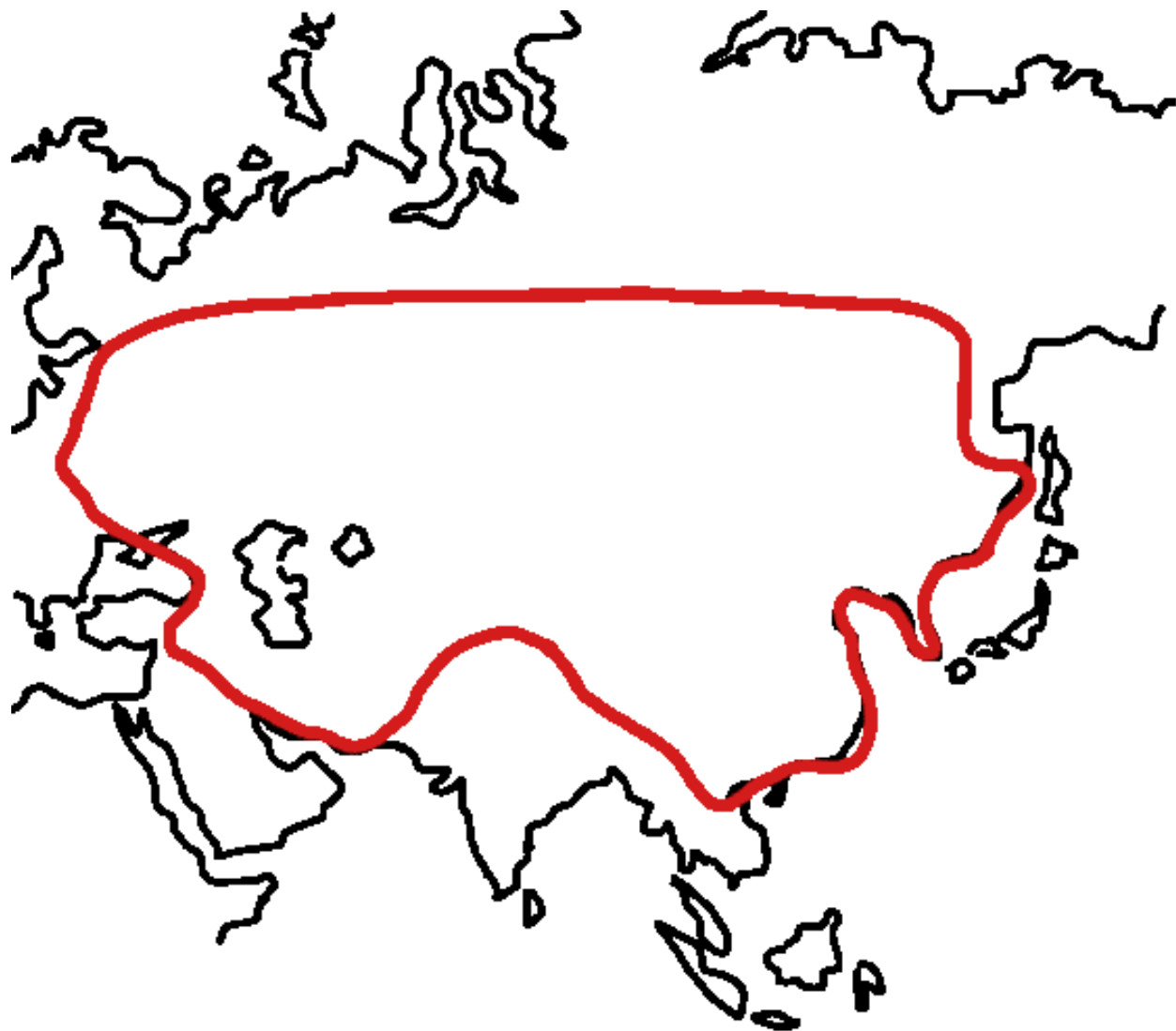
Упадок и гибель нескольких китайских империй также объяснялись в первую очередь внутренними факторами. Монгольские и позднее восточные «варвары» восторжествовали вследствие того, что внутренняя усталость, разложение, гедонизм и утрата способности к созиданию в экономической, а также военной областях подорвали волю Китая, а впоследствии ускорили его крах. Внешние силы воспользовались болезнью Китая: Британия — во время «опиумной» войны в 1839-1842 годах,

3

Япония — веком позднее, что, в свою очередь, вызвало глубокое чувство культурного унижения, которое определяло действия Китая на протяжении XX столетия, унижения тем более сильного из-за противоречия между врожденным чувством культурного превосходства и унижительной политической действительностью постимперского Китая.

В значительной степени, как и в случае с Римом, имперский Китай сегодня можно было бы классифицировать как региональную державу. Однако в эпоху своего расцвета Китай не имел себе равных в мире в том смысле, что ни одна другая страна не была бы в состоянии бросить вызов его имперскому статусу или хотя бы оказать сопротивление его дальнейшей экспансии, если бы у Китая было такое намерение. Китайская система была автономной и самоподдерживающейся, основанной прежде всего на общей этнической принадлежности при относительно ограниченной проекции центральной власти на этнически чуждые и географически периферийные покоренные государства.

Многочисленная и доминирующая этническая сердцевина позволяла Китаю периодически восстанавливать свою империю. В этом отношении Китай отличается от других империй, в которых небольшим по численности, но руководствующимся гегемонистскими устремлениями народам удавалось на время устанавливать и поддерживать свое господство над гораздо более многочисленными этнически чуждыми народами. Однако если доминирующее положение таких империй с немногочисленной этнической сердцевиной подрывалось, о реставрации империи не могло быть и речи.

Приблизительные очертания территорий, находившихся под контролем Монгольской империи, 1280 год

Карта IV

Для того чтобы найти в какой-то степени более близкую аналогию современному определению мировой державы, мы должны обратиться к примечательному явлению Монгольской империи. Она возникла в результате ожесточенной борьбы с сильными и хорошо организованными противниками. Среди потерпевших поражение были королевства Польши и Венгрии, силы Святой Римской империи, несколько русских княжеств, Багдадский халифат и, позднее, даже китайская династия Сунь. Чингисхан и его преемники, нанеся поражение своим региональным противникам, установили централизованный контроль над территорией, которую современные

специалисты в области геополитики определили как «сердце мира» или точку опоры для мирового господства. Их евразийская континентальная империя простиралась от берегов Китайского моря до Анатолии в Малой Азии и до Центральной Европы (см. карту IV). И лишь в период расцвета сталинского китайско-советского блока Монгольской империи на Евразийском континенте нашелся достойный соперник в том, что касалось масштабов централизованного контроля над прилегающими территориями.

Римская, Китайская и Монгольская империи были региональными предшественниками более поздних претендентов на мировое господство. В случае с Римом и Китаем, как уже отмечалось, имперская структура достигла высокой степени развития как в политическом, так и в экономическом отношении, в то время как получившее широкое распространение признание культурного превосходства центра играло важную цементирующую роль. Напротив, Монгольская империя сохраняла политический контроль, в большей степени опираясь на военные завоевания, за которыми следовала адаптация (и даже ассимиляция) к местным условиям.

Имперская власть Монголии в основном опиралась на военное господство. Достигнутое благодаря применению блестящей и жестокой превосходящей военной тактики, сочетавшейся с замечательными возможностями быстрой переброски сил и их своевременным сосредоточением, монгольское господство не несло с собой организованной экономической или финансовой системы, и власть монголов не опиралась на чувство культурного превосходства. Монгольские правители были слишком немногочисленны, чтобы представлять самовозрождающийся правящий класс, и, в любом случае, отсутствие четко сформированного, укоренившегося в сознании чувства культурного или хотя бы этнического превосходства лишало имперскую элиту столь необходимой личной уверенности.

В действительности монгольские правители показали себя довольно восприимчивыми к постепенной ассимиляции с часто более развитыми в культурном отношении народами, которых они поработили. Так, один из внуков Чингисхана, который был императором китайской части великого ханства, стал ревностным распространителем конфуцианства; другой превратился в благочестивого мусульманина, будучи султаном Персии; а третий с точки зрения культуры стал персидским правителем Центральной Азии.

Именно этот фактор — ассимиляция правителей с теми, кто находился под их правлением, вследствие отсутствия доминирующей политической культуры, а также нерешенная проблема преемника великого Хана, основавшего империю, привели в итоге к гибели империи. Монгольское государство стало слишком большим для управления из единого центра, но попытка решения этой проблемы путем раздела империи на несколько автономных частей привела к еще более быстрой ассимиляции и ускорила распад империи. Просуществовав два столетия — с 1206 по 1405 год, крупнейшая сухопутная мировая империя бесследно исчезла.

После этого Европа стала средоточием мировой власти и ареной основных битв за власть над миром. В самом деле, примерно в течение трех столетий небольшая северо-западная окраина Евразийского континента впервые достигла с помощью преимущества на морях настоящего мирового господства и отстояла свои позиции на всех континентах земли. Следует отметить, что западноевропейские имперские гегемоны не были слишком многочисленными, особенно по сравнению с теми, кого они себе подчинили. И все же к началу XX века за пределами Западного полушария (которое двумя столетиями раньше также находилось под контролем Западной Европы и которое было в основном населено европейскими эмигрантами и их потомками) лишь Китай, Россия, Османская империя и Эфиопия были свободны от господства Западной Европы (см. карту V).

Тем не менее западноевропейское господство не было равноценно достижению Западной Европой мировой власти. В реальности имели место мировое господство европейской цивилизации и фрагментарная континентальная власть Европы. В отличие от сухопутного завоевания «евразийского сердца» монголами или впоследствии Российской империей, европейский заокеанский империализм был достигнут за счет непрерывных заокеанских географических открытий и расширения морской торговли. Этот процесс, однако, также включал постоянную борьбу между ведущими европейскими государствами не только за заокеанские доминионы, но и за господство в самой Европе. Геополитическим следствием

этого обстоятельства было то, что мировое господство Европы не являлось результатом господства в Европе какой-либо одной европейской державы.

Европейское мировое главенство, 1900 год

Карта V.

В целом до середины XVII века первостепенной европейской державой была Испания. К концу XV столетия она стала крупной имперской державой с заокеанскими владениями и претензиями на мировое господство. Объединяющей доктриной и источником имперского миссионерского рвения была религия. И в самом деле, потребовалось посредничество папы между Испанией и Португалией, ее морским соперником, для утверждения формального раздела мира на испанскую и португальскую колониальные сферы в Тордесильясском (1494 г.) и Сарагосском (1529 г.) договорах. Тем не менее, столкнувшись с Англией, Францией и Голландией, Испания не смогла отстоять свое господство ни в самой Западной Европе, ни за океаном.

Испания постепенно уступила свое преимущество Франции. До 1815 года Франция была доминирующей европейской державой, хотя ее постоянно сдерживали европейские соперники как на континенте, так и за океаном. Во времена правления Наполеона Франция вплотную приблизилась к установлению своей реальной гегемонии над Европой. Если бы ей это удалось, она также смогла бы получить статус господствующей мировой державы. Однако ее поражение в борьбе с европейской коалицией восстановило относительное равновесие сил на континенте.

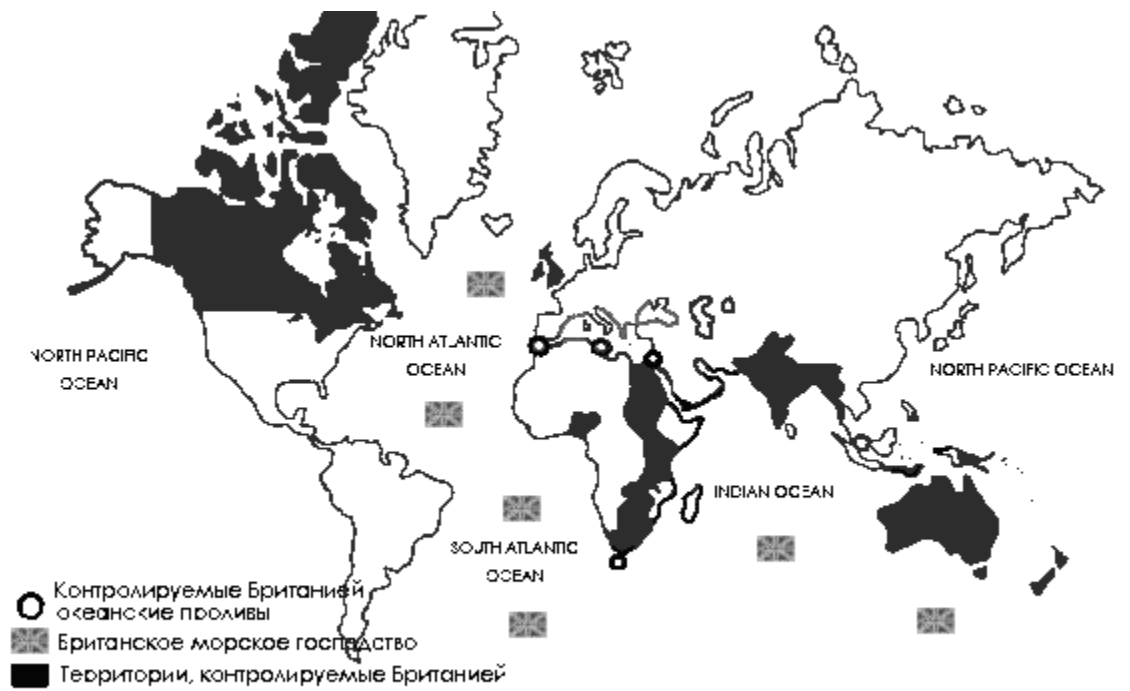
В течение следующего столетия до первой мировой войны мировым морским господством обладала Великобритания, в то время как Лондон стал главным финансовым и торговым центром мира, а британский флот «властвовал на волнах». Великобритания явно была всемогущей за океаном, но, как и более ранние европейские претенденты на мировое господство, Британская империя не могла в одиночку доминировать в Европе. Вместо этого

Британия полагалась на хитроумную дипломатию равновесия сил и в конечном счете на англо-французское согласие для того, чтобы помешать континентальному господству России или Германии.

Заокеанская Британская империя была первоначально создана благодаря сложной комбинации из географических открытий, торговли и завоеваний. Однако в значительной мере, подобно своим предшественникам Риму и Китаю или своим французским и испанским соперникам, она черпала стойкость в концепции культурного превосходства. Это превосходство было не только вопросом высокомерия со стороны имперского правящего класса, но и точкой зрения, которую разделяли многие подданные небританского происхождения. Как сказал первый чернокожий президент ЮАР Нельсон Мандела, «я был воспитан в британской школе, а в то время Британия была домом всего лучшего в мире. Я не отвергаю влияния, которое Британия и британская история и культура оказали на нас». Культурное превосходство, которое успешно отстояли и которое легко признали, сыграло свою роль в уменьшении необходимости опоры на крупные воинские формирования для сохранения власти имперского центра. К 1914 году лишь несколько тысяч британских военнослужащих и гражданских служащих контролировали около 11 млн. квадратных миль и почти 400 млн. небританцев (см. карту VI).

Короче говоря, Рим обеспечивал свое господство в основном с помощью более совершенной военной структуры и культурной притягательности. Китай в значительной степени опирался на эффективный бюрократический аппарат, управляя империей, построенной на общей этнической принадлежности, и укрепляя свой контроль за счет сильно развитого чувства культурного превосходства. Монгольская империя в качестве основы своего правления сочетала применение в ходе завоеваний передовой военной тактики и склонность к ассимиляции. Британцы (так же как испанцы, голландцы и французы) обеспечивали себе превосходство по мере того, как их флаг следовал за развитием их торговли; их контроль также поддерживался более совершенной военной структурой и культурным самоутверждением. Однако ни одна из этих империй не была действительно мировой. Даже Великобритания не была настоящей мировой державой. Она не контролировала Европу, а лишь поддерживала в ней равновесие сил. Стабильная Европа имела решающее значение для международного господства Британии, и самоуничтожение Европы неизбежно означало конец главенствующей роли Британии.

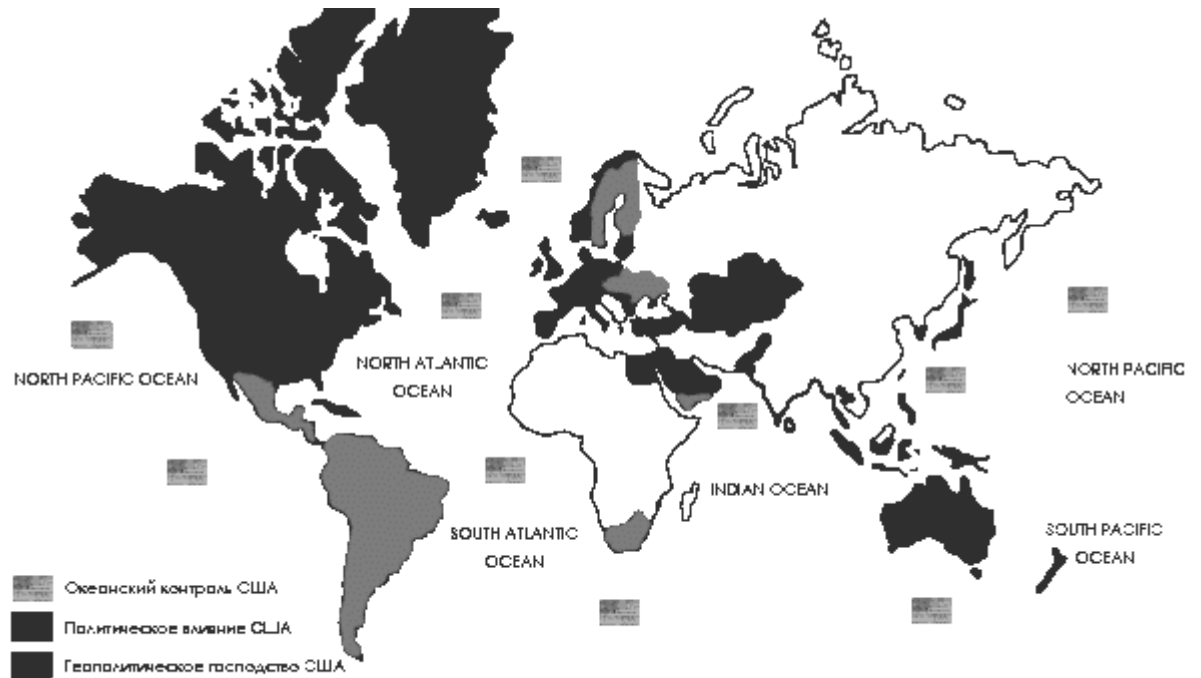
Напротив, масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению еще более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему Евразийскому континенту (об этом свидетельствует карта VII).

Британское владычество, 1860-1914 гг.

Карта VI

Американское мировое господство

Карта VII

Экономический динамизм Америки служит необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире. Первоначально, непосредственно после второй мировой войны, экономика Америки была независимой от экономики всех других стран и одиночку обеспечивала более 50% мирового ВВП. Экономическое возрождение Западной Европы и Японии, за которым последовало более широкое явление экономического динамизма Азии, означало, что американская доля от мирового ВВП в итоге должна была сократиться по сравнению с непропорционально высоким уровнем послевоенного периода. Тем не менее к тому времени, когда закончилась холодная война, доля Америки в мировом ВВП, а более конкретно — ее доля в объеме мирового промышленного производства стабилизировалась примерно на уровне 30%, что было нормой для большей части этого столетия, кроме исключительных лет непосредственно после второй мировой войны. Что более важно, Америка сохранила и даже расширила свое лидерство в использовании новейших научных открытий в военных целях, создав таким образом несравнимые в техническом отношении вооруженные силы с действительно глобальным охватом, единственные в мире. Все это время Америка сохраняла свое значительное преимущество в области информационных технологий, имеющих решающее значение для развития экономики. Преимущество Америки в передовых секторах современной экономики свидетельствует о том, что ее технологическое господство, по-видимому, будет не так-то легко преодолеть в ближайшем будущем, особенно с учетом того, что в имеющих решающее значение областях экономики американцы сохраняют и даже увеличивают свое преимущество по производительности по сравнению со своими западноевропейскими и японскими конкурентами.

Несомненно, Россия и Китай относятся к числу держав, болезненно воспринимающих гегемонию Америки. В начале 1996 года, в ходе визита в Пекин президента России Бориса

Ельцина, они выступили с совместным заявлением на эту тему. Кроме того, они располагают ядерными арсеналами, которые могут угрожать жизненно важным интересам США. Однако жестокая правда заключается в том, что на данный момент и в ближайшем будущем, хотя эти страны и могут развязать самоубийственную ядерную войну, никто из них не способен в ней победить. Не располагая возможностями по переброске войск на большие расстояния для навязывания своей политической воли и сильно отставая в технологическом отношении от Америки, они не имеют средств для того, чтобы постоянно оказывать (или в ближайшее время обеспечить себе такие средства) политическое влияние во всем мире.

Короче говоря, Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии (ни одной из этих стран не свойственны другие отличительные черты мирового могущества); в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, — все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова.

Американская глобальная система

Хотя американское превосходство в международном масштабе неизбежно вызывает представление о сходстве с прежними имперскими системами, расхождения все же более существенны. Они выходят за пределы вопроса о территориальных границах. Американская мощь проявляется через глобальную систему явно американского покрова, отражающую внутренний американский опыт. Центральное место в этом внутреннем опыте занимает плюралистический характер как американского общества, так и его политической системы.

Прежние империи были созданы аристократическими политическими элитами и в большинстве случаев управлялись по сути авторитарными или абсолютистскими режимами. Основная часть населения имперских государств была либо политически индифферентна, либо, как совсем недавно, заражена имперскими эмоциями и символами. Стремление к национальной славе, «бремя белого человека», «цивилизаторская миссия», не говоря уж о возможностях персонального обогащения, — все это служило для мобилизации поддержки имперских авантюр и сохранения иерархических имперских пирамид власти. Отношение американской общественности к внешней демонстрации американской силы было в значительной мере двойственным. Общественность поддерживала участие Америки во второй мировой войне в основном по причине шока, вызванного нападением Японии на Перл-Харбор. Участие Соединенных Штатов в холодной войне первоначально, до блокады Берлина и последующей войны в Корее, поддерживалось очень вяло. После окончания холодной войны статус Соединенных Штатов как единственной глобальной силы не вызвал широкого торжества общественности, а скорее выявил тенденцию к более ограниченному толкованию американских задач за рубежом. Опросы общественного мнения, проведенные в 1995 и 1996 годах, свидетельствовали о том, что в целом общественность предпочитает скорее «разделить» глобальную власть с другими, чем использовать ее монопольно. В силу этих внутренних факторов американская глобальная система уделяет гораздо больше особого внимания методам кооптации (как в случае с поверженными противниками — Германией, Японией и затем даже Россией), чем это делали прежние имперские системы. Она, вероятно, широко полагается на косвенное использование влияния на

зависимые иностранные элиты, одновременно извлекая значительную выгоду из притягательности своих демократических принципов и институтов. Все вышеупомянутое подкрепляется широким, но неосязаемым влиянием американского господства в области глобальных коммуникаций, народных развлечений и массовой культуры, а также потенциально весьма ощутимым влиянием американского технологического превосходства и глобального военного присутствия.

Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечения американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте.

Стиль многих зарубежных демократических политиков все больше походит на американский. Не только Джон Ф. Кеннеди нашел страстных почитателей за рубежом, но даже совсем недавние (и менее прославленные) американские политические лидеры стали объектами тщательного изучения и политического подражания. Политики таких различных культур, как японская и английская (например, японский премьер-министр середины 90-х годов Р. Хасимото и британский премьер-министр Тони Блэр — и отметьте: «Тони» — подражали «Джимми» Картеру, «Биллу» Клинтону или «Бобу» Доулу), находили весьма уместным копировать домашнюю манеру, популистское чувство локтя и тактику отношений с общественностью Билла Клинтона.

Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский «культурный империализм». В век самого широкого распространения демократических форм правления американский политический опыт все больше служит стандартом для подражания. Распространяющийся во всем мире акцент на центральное положение написанной конституции и на главенство закона над политической беспринципностью, неважно, насколько преуменьшенное на практике, использует силу американского конституционного образа правления. В последнее время на признание бывшими коммунистическими странами главенства гражданских над военными (особенно как предварительное условие для членства в НАТО) также оказывала сильное влияние американская система отношений между гражданскими и военными.

Популярность и влияние демократической американской политической системы также сопровождаются ростом привлекательности американской предпринимательской экономической модели, которая уделяет особое внимание мировой свободной торговле и беспрепятственной конкуренции. По мере того как западное государство всеобщего благосостояния, включая его германский акцент на «право участия в решении вопросов» между предпринимателями и профсоюзами, начинает терять свой экономический динамизм, все больше европейцев высказывают мнение о том, что необходимо последовать примеру более конкурентоспособной и даже жестокой американской экономической культуры, если не хотят, чтобы Европа откатилась еще больше назад. Даже в Японии большой индивидуализм в экономическом поведении признается как необходимое сопутствующее обстоятельство экономического успеха.

Американский акцент на политическую демократию и экономическое развитие, таким образом, сочетает простое идеологическое откровение, применимое во многих случаях: стремление к личному успеху укрепляет свободу, создавая богатство. Конечная смесь идеализма и эгоизма является сильной комбинацией. Индивидуальное самовыражение, как

говорят, это Богом данное право, которое одновременно может принести пользу остальным, подавая пример и создавая богатство. Это доктрина, которая притягивает энергетикой, амбициями и высокой конкурентоспособностью.

Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимосвязанных институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния.

Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир.

Организация Североатлантического договора (НАТО) связывает наиболее развитые и влиятельные государства Европы с Америкой, превращая Соединенные Штаты в главное действующее лицо даже во внутриевропейских делах. Двусторонние политические и военные связи с Японией привязывают самую мощную азиатскую экономику к Соединенным Штатам, причем Япония остается (по крайней мере, в настоящее время) в сущности американским протекторатом. Америка принимает также участие в деятельности таких зарождающихся транстихоокеанских многосторонних организаций, как Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества (АПЕС), становясь главным действующим лицом в делах региона. Западное полушарие в основном защищено от внешнего влияния, позволяя Америке играть главную роль в существующих многосторонних организациях полушария. Специальные меры безопасности в Персидском заливе, особенно после краткой карательной операции против Ирака в 1991 году, превратили этот экономически важный регион в американскую военную заповедную зону. Даже на бывших советских просторах нашли распространение различные поддерживаемые материально американцами схемы более тесного сотрудничества с НАТО, такие как программа «Партнерство во имя мира».

Кроме того, следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно «международные» финансовые институты. Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, можно сказать, представляют глобальные интересы, и их клиентами можно назвать весь мир. В действительности, однако, в них доминируют американцы, и в их создании прослеживаются американские инициативы, в частности на конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 году.

В отличие от прежних империй, эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. Напротив, Америка стоит в центре взаимосвязанной вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки. Возможно, наивысшим комплиментом, которым мир удостаивает центральное положение демократического процесса в американской глобальной гегемонии, является степень участия самих зарубежных стран во внутриамериканских политических сделках. Насколько это возможно, правительства зарубежных стран стремятся привлечь к сотрудничеству тех американцев, с которыми у них имеются общие этнические или религиозные корни. Большинство иностранных правительств также нанимают американских лоббистов, чтобы продвинуть свои вопросы, особенно в конгрессе, в дополнение к приблизительно тысяче иностранных «групп интересов», зарегистрированных и действующих в американской столице. Американские этнические общины также стремятся оказывать влияние на американскую внешнюю политику, причем еврейское, греческое и армянское лобби выступают как наиболее эффективно организованные.

Американское превосходство, таким образом, породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы. Ее основные моменты включают:

- систему коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например НАТО, Американско-японский договор о безопасности и т.д.;